дических изданий межвоенного периода, в которых публиковалось большинство важных документов, касающихся церковной жизни, а именно церковных уставов, протоколов и решений церковных соборов, постановлений предстоятелей церкви. В то же время весьма вероятно, что в архивах Эстонии и Латвии можно найти новую и неожиданную информацию, которая прольет новый свет на события, освещаемые в рассматриваемой книге.

Т. Швак

Namli, E., Svenungsson, J. and Vincent, A. M. (eds) (2014) *Jewish Thought, Utopia, and Revolution*. Amsterdam: Rodopi, 2014. — 211 p.

Сразу же возникает вопрос: почему редакторы этой книги решили снова обратиться к проблематике «утопии» и «революции» в еврейской мысли XX века? Ведь эти понятия были подробно описаны и проанализированы целым поколением ученых и мыслителей, среди которых Вальтер Беньямин, Эрнст Блох и Густав Ландауэр. Тем не менее сборник «Еврейская мысль, утопия и революция» доказывает нам, что эти вопросы еще далеко не исчерпаны. В этой книге есть не только глубокие и тонкие эссе о хорошо известных фигурах; книга дает новую перспективу изучения еврейской мысли, и, возможно, в этом и заключается ее главная ценность. Наиболее яркие страницы книги показывают, что авторы осознают всю ту сложнейшую динамику, которая пронизывает еврейскую мысль первой половины XX века. Во-первых, авторы переключают внимание с германоговорящих стран, мыслители которых всегда были в фокусе исследователей, на страну, находившуюся в процессе революционных преобразований; во-вторых, переживание опыта ссылки, изгнания и эмиграции рассматривается в качестве особого контекста формирования мысли.

Когда люди перемещаются, по своей или по чужой воле, неизбежно меняются их взгляды. Эта кажущаяся очевидной идея лежит в основе одной из самых интересных статей сборника. Елена Намли описывает жизнь и творчество Матвея Кагана (1889–1937), который работал с Михаилом Бахтиным в Невеле и Витебске. До того как присоединиться к кружку Бахтина, Каган изучал философию в Берлине и Марбурге. Его наставником был известный еврейский неокантианец Герман Коген. В своей статье Намли описывает, как

Каган пытался объединить этический универсализм Когена и бахтинскую критику неокантианства. Размышление об идеях Когена в контексте революции и утопии кажется весьма уместным. Ведь на первый взгляд кажется, что эти понятия должны быть весьма далеки от немецкого еврея-кантианца. Однако Намли показывает, что именно в контексте революционной смуты работы Когена приобретают особое значение. Таким образом, Намли не просто делает обзор философских споров, но и помещает их в конкретный исторический и политический контекст. Это неизбежно и тем более интересно, когда речь идет о процессе радикальных и жестких государственных преобразований. Намли показывает порой неожиданную эволюцию еврейской мысли в зависимости от перемены контекста.

Схожим образом Александра Полян анализирует работы некоторых поэтов, писавших на идише, которые родились в Российской империи, а затем эмигрировали в США. Находясь в Нью-Йорке и наблюдая за событиями из-за океана, эти поэты с воодушевлением восприняли коммунистическую революцию. Стремясь стать частью этого процесса, они создавали то, что они считали «революционной поэзией». Полян показывает, что они не только подчеркивали бедность и несправедливость жизни в Соединенных Штатах, но и, во имя революции, выстраивали сложные связи с мировой литературной традицией. С одной стороны, они отвергли все мировые литературы как нереволюционные, злорадно подтрунивая над многими яркими их представителями. Но в то же самое время Полян отмечает их глубокую приверженность русской литературе и поэзии, а также каноническим темам иудаизма. Таким образом, эти поэты не только пытались, находясь в Америке, внутренне пережить коммунистическую революцию, но и описывали место своего изгнания, все существующие в нем горести и страдания, используя заимствованные из родной для них культуры понятия и образы. Сами того не желая, они стали русско-еврейскими и одновременно американскими поэтами.

Главные герои статьи Олега Будницкого — еврейские интеллектуалы и мыслители, сбежавшие от ужасов гражданской войны в Берлин. Находясь в Берлине, они бурно реагировали на все события, происходящие на родине. Из-за ужасных расправ Белой армии над евреями многие эмигранты еврейского происхождения поддерживали большевиков и их борьбу за более справедливое общество будущего. Однако многие другие считали, что ев-

реи должны быть на стороне белых, так как, во-первых, они наравне с белогвардейцами несут ответственность за падение Российской империи, а во-вторых, единая и сильная Россия, по их мнению, была бы более благоприятным пространством для жизни еврейской диаспоры, чем коммунистическое государство большевиков. Как пишет Будницкий, такая позиция вызвала жаркие споры среди берлинских эмигрантов. Однако интересен не только предмет споров, но важно и само место, где они разгорались. В условиях гражданской войны люди практически не имели возможности выражать свое мнение. Так, как это ни странно, споры о будущем евреев в России и о политической лояльности евреев появились именно в эмиграции.

Алана М. Винсент пишет о жизни еврейских интеллектуалов и мыслителей, анализирует их размышления о революции в конкретном историческом и политическом контексте. Она описывает образ революции, складывающийся в произведениях известного художника Марка Шагала и Бориса Шаца, основателя Академии искусств Бельзалель в Иерусалиме. Как и в других описанных здесь случаях, существенно важен тот контекст, в котором эти два выдающихся человека воспринимали революцию. Винсент показывает нам, что Шац пытался придать еврейскому духу революционность, создав школу «еврейского» искусства в Иерусалиме, в то время как Шагал ассоциировал себя, по крайней мере в определенные периоды творчества, с революционным пролетарским искусством. И ни тот ни другой не могли до конца осознать своих позиций, поскольку оба были слишком тесно связаны с культурным наследием, в котором они выросли. Поэтому, отмечает Винсент, есть доля иронии в том, что Шаца помнят как основателя его «академии», а Шагала — как автора откровенно еврейских по духу работ. Революция одинаково сильно повлияла на мысль и творчество этих художников, застигнув каждого из них в особом месте, но также и «вне своего места».

В целом рецензируемая книга развивает концепции и методы, разработанные в течение многих десятилетий в различных гуманитарных дисциплинах, но недостаточно задействованные в исследованиях еврейской мысли. Книга демонстрирует широкие культурные взаимосвязи, а также эволюцию идей в условиях ссылки и эмиграции. Конечно, в истории изучения еврейской мысли подобные работы уже были. Однако главная перспектива книги — изучение мысли, творчества и жизни русско-еврейских интеллектуалов, оказавшихся